

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 130.8

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-417-427

Мифы психоанализа и культура: тренды и следы влияния

Пигулевский В.О. , Мирская Л.А.

Южно-Российский гуманитарный институт,
Россия, 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, д. 108

lymirskaya@yandex.ru

Аннотация. Инверсия нормы и патологии в области сексуальных отношений в западном обществе выводит к проблеме влияния мифа психоанализа на культуру. Речь идет о восприятии в обществе идеи Фрейда об иррациональной жизни души и базовых инстинктах – сексуальности и агрессии. Инстинкты мифологизируются как Эрос и Танатос. Конфликт Эроса и Танатоса с репрессивной цивилизацией, рациональными нормами и запретами воспринимается искусством модернизма, контркультурой и авангардом. Представление об оппозиции телесных желаний индивида и моральных норм приводит к современному мифотворчеству. Это визуализация сновидений, эпатаж свободной любви и психоделия, черный юмор и танатография эроса. Появляются две волны влияния фрейдизма на современную западную культуру. Первая – фрейдизма на сюрреализм и фрейдомарксизма на контркультуру. Вторая – переосмысление психоанализа Жаком Лаканом. Они оставляют в развитии авангарда в ситуации постмодерна деструктивный след. Переработанный миф психоанализа продуцирует регрессию к основаниям бессознательного и трансгрессию за пределы культурных норм и гетеросексуальной жизни. Этот след стимулирует общественное сознание к неразличимости полов, фантазиям о трансформации тела человека, создавая тренд трансгендерности. В условиях падения нравов след влияния психоанализа на культуру заключается в продуцировании мифа танатографии эроса.

Ключевые слова: психоанализ, черный юмор, эрос, агрессия, иррациональное, гендер, мифотворчество, символический обмен, регрессия, трансгрессия

Для цитирования: Пигулевский В.О., Мирская Л.А. 2024. Мифы психоанализа и культура: тренды и следы влияния. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(3): 417–427. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-417-427

Myths of Psychoanalysis and Culture: Trends and Traces of Influence

Victor O. Pigulevskiy , Ludmila A. Mirskaya

South-Russian Humanitarian Institute
108 Krasnoarmeiskaya St, Rostov-on-Don 344082, Russian Federation

lymirskaya@yandex.ru

Abstract. The inversion of norm and pathology in the field of sexual relations in Western society leads to the problem of the influence of the psychoanalysis myth on culture. We are speaking about the perception in society of Freud's idea of the soul's irrational life and basic instincts – sexuality and aggression. Instincts are mythologized as Eros and Thanatos. The conflict of Eros and Thanatos with a repressive civilization, rational norms and prohibitions is perceived by the art of modernism, counterculture and the avant-garde. The idea of the opposition of the individual's bodily desires and moral norms leads to modern mythmaking. These are the visualization of dreams, the outrage of free love and psychedelia,

black humor and the thanatography of eros. Two waves of Freudian influence on modern Western culture are emerging. The first is Freudianism against Surrealism and Freudian Marxism against counterculture. The second is Jacques Lacan's reinterpretation of psychoanalysis. They leave a destructive trace in the development of the avant-garde in the postmodern situation. The revised myth of psychoanalysis produces regression to the foundations of the unconscious and transgression beyond cultural norms and heterosexual life. This trace stimulates the public consciousness to the indistinguishability of the sexes, fantasies about the transformation of the human body, creating a trend of transgenderism. In the conditions of the decline of morals, the trace of the influence of psychoanalysis on culture lies in the production of the eros thanatography myth.

Keywords: psychoanalysis, black humor, eros, aggression, irrational, gender, myth-making, symbolic exchange, regression, transgression

For citation: Pigulevskiy V.O., Mirskaya L.A. 2024. Myths of Psychoanalysis and Culture: Trends and Traces of Influence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 417–427 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-417-427

Психоанализ на наших глазах превращается
во все более запутанную мифологию.
Жак Лакан

Лишь миф входит в тела тех, кто нашел в нем
убежище, требуя от них постоянной готовности
принять его... Быть может, миф – всего лишь
баснословие, но эта побасенка в корне отлична от
вымысла: взгляните на те вполне реальные толпы,
что своим бешеным танцем, своим беспощадным
действием претворяют ее в живую истину.
Жорж Батай

Один из главных парадоксов современной западной культуры заключается в том, что нормальные отношения мужчины и женщины стали политическим инструментом преследования мужчины. Как и когда произошла в культуре Запада инверсия нормы и патологии? И сыграл ли в культурных трансформациях какую-то роль психоанализ? Определение парадоксальных и противоестественных трендов сексуальности в культуре в XX–XXI вв. в связи с влиянием фрейдизма на культуру и мировоззрение Запада является целью данного исследования.

Марксизм, психоанализ и экзистенциализм оставили глубочайший след в мировоззрении Западной Европы. Если говорить о психоанализе, то можно обнаружить две волны влияния: фрейдизма на модернизм в первой трети XX века и фрейдо-марксизма на контркультуру в середине столетия. Влияет не сам психоанализ, а его мифотворчество. В ситуации постмодерна остается лишь след влияния мифов психоанализа, который расщепляется на танатографию эроса авангарда и соблазны массовой культуры. Вероятно, что тренды влияния мифов приводят к инверсии нормы и патологии сексуальности в общественном сознании.

Предметом данного исследования является мифология психоанализа, воспринятая модернизмом, контркультурой, авангардом в ситуации постмодерна, и ее след в символическом обмене массовой культуры.

Фрейдизм и модернизм: эротически чудесное и черный юмор

Непосредственное влияние психоанализ оказывает на сюрреализм, который является продолжением романтической традиции. Уже в романтизме сложились мифы о душе – суть души составляет вера, дающая целостный взгляд на мир; это сфера подспудной

жизни, предполагающая полную свободу воображения, которое полнится грезами, снами, экстазами, «жизнью сердца»; это поэтическая реальность, в которой поэт занимается суверенным колдовством, магией, провидением вечного и бесконечного [Beguin, 1937]. На этой почве и вырастает сюрреализм, который, помимо романтической традиции, испытывает влияние фрейдизма. Сюрреализму импонирует концепция Фрейда об инстинктах бессознательного. Однако, если Фрейд признавал естественную природу биологических инстинктов, то сюрреалисты выражают романтически идеалистическую позицию. Они полагают, что человек руководим подспудными космическими силами, которыми и являются Эрос и Танатос. Так влияние на искусство и культуру оказывает не психоаналитическая теория, а ее мифология, которая легко усваивается романтическим сознанием.

Согласно Фрейду, культурные нормы и запреты выступают препятствием на пути психосексуальной энергии, в результате чего энергия сублимируется в качестве снов, художественной фантазии, юмора и оговорок [Фрейд, 1995; Фрейд, 2023]. Творчество – результат сублимации. Этот тезис составляет основу целой традиции литературы и искусства, воспринявших психоанализ [Райх, 2002; Фромм, 2002; Выготский, 2002]. Соответственно, внимание культуры смещается на внесение терминов психоанализа в дискурс современного общества [Parker, 1997]. С позиции психоанализа вопрос о контроле и сдерживании в культуре выступает как зависть к материнству и превалирование отца, что рождает комплекс Эдипа. Именно эта позиция подвергается эрозии, что в дальнейшем приводит к идее об изменчивости гендера [Minsky, 1998].

Влияние психоанализа на современную западную культуру опосредовано искусством модернизма, в котором сексуальность представлена агрессивно как инструмент подрыва норм культуры, моральных табу и религиозного ригоризма. Так воплощаются эротические видения сюрреалистов в литературе Луи Арагона, Робера Десноса, Андре Бретона, в кинофильмах Луиса Бунюэля, Жана Кокто, в картинах Сальвадора Дали, Ремедиус Варо, Роберто Матта, Вифредо Лама, в скульптурах Ханса Беллмера, Генри Мура и др. Сюрреалистов привлекают мифопоэтические идеи сомнамбулизма, Эроса и Танатоса. Картины Сальвадора Дали, Хуана Миро, Макса Эрнста в фантастически гротескных образах воплощают основные черты реальности *le Rêve*, такие же, как в сновидениях, – алогичность, смещение с важного на незначительное, инверсию причины и следствия, сгущение переживания, спутанность образов (З. Фрейд). Выражением буйства Эроса и Танатоса, истерии, депрессии, ужаса, ночных страхов, безумной страсти, словом, сумеречной зоны души становятся причудливый эротический сон и кошмар в произведениях художников.

Фантастический гротеск, выражающий подспудную жизнь души, имеет два модуса – эротически чудесное и черный юмор. Предтечей концепции эротически чудесного для сюрреалистов становится поэма романтика Лотреамона «Песни Мальдорора» (1869), а также темные страсти Маркиза де Сада, его «Жюстина» (1791) и «Философия в будуаре» (1795). Эротически чудесное, которое также характеризуется как конвульсивная красота [Бретон, 2006, с. 17]¹ – это эстетизация безобразного с обертонами эротики, выраженная в иррациональных образах и вещах. Репрезентация иррационального в картинах, поэзии, на театральных подмостках – фантастический гротеск, в литературе – язык, «скользящий красной рыбкой в бокале твоего голоса» (Аполлинер), а презентация в действительности (вне иллюзорного статуса произведения) – *objet trouvé* (фр.: найденный объект). Благодаря Дада (1915–1922) репрезентация классического искусства была замещена антишедеврами, презентацией *ready-mades* – типовых вещей в культурном контексте. Сюрреализм, выражая иррациональную жизнь души, вводит не типовой, а случайный, оригинальный объект – *objet trouvé*, в котором можно увидеть «осадки нашего желания

¹ Красота подобна судороге, она должна быть конвульсивной или ее не должно быть вовсе – эту мысль Андре Бретон почерпнул у Лотреамона.

[Шенье-Жандрон, 2002, с. 133]. Художники находят на блошинных рынках странные вещи, а иногда и сами конструируют: Мерет Оппенгейм «Меховой завтрак» (1936), «Столик» (1939), «Моя гувернантка» (1936), Сальвадор Дали и Оскар Тускетс «Диван-губы» (1937, 1974) Жоан Миро «Найденный объект» (1936), Исамо Ногучи «Камень духовного познания» (1964). Эти объекты провоцируют черный юмор как игру воображения и рассудка у реципиента. Они полностью противоречат нашему опыту осязания и деятельности, что вызывает эффект *остранения* (В. Шкловский). Черный юмор сюрреализма приобретает метафизический характер из-за обращения к смерти или иррациональности бессознательного. Когда Андре Бретон составляет «Антологию черного юмора» (1939), он подбирает туда рассказы не по принципу остроумия, а по возможности абстрагирования от повседневной жизни, введения реципиента в состояние неопределённости [Бретон, 1999].

Сексуальность как агрессия, как иррациональное телесное влечение реализуется либо как сюрреальная метафора (сопоставление несопоставимого), либо как черный юмор (подрыв ценностей). Можно сказать, что метафора, понятая как коллаж несопоставимых вещей, созданный посредством автоматического письма, есть источник черного юмора [Шенье-Жандрон, 2002, с. 72, 117, 162, 166; Бретон, 2006, с. 64]¹. Эротизм переходит в жестокость, вызывая ужас и помрачение ума в фильме Луиса Бунюэля «Андалузский пес» (1929), в новелле Жоржа Батая «История глаза» (1928), в куклах Ханса Беллмера. Происходит трансгрессия самой сексуальности, когда автор позволяет реципиентам погружаться в хаос своего безумия, «растворяться в их собственном кошмаре» [Барт, 1994, с. 96].

Конструирование коллажа с обертонами Эроса и Танатоса продолжается поп-артом. Примером пластической метафоры являются работы Алана Джонса «Комната» (1950), Роберта Раушенберга «Одеяло» (1955) и «Монограмма» (1959)². Примером черного юмора является фотографии черепа из Нью по рисунку Сальвадора Дали от Филиппа Хальсмана (1951), Джордана Доннера (2016).

Идея иррациональной психосексуальной энергии в ее плотских основаниях как подлинной жизни личности распространяется в западной культуре. Сексуальность в элитарной культуре используется не в качестве принципа удовольствия, а как принцип реальности – в качестве инструмента подрыва правил и норм. То есть идея Фрейда о сексуальности как принципе удовольствия и о сознании как принципе реальности переиначивается. Весьма откровенно это демонстрирует литература «потока сознания» – творчество Лоуренса, Генри Миллера, Владимира Набокова. Так, в предисловии к роману «Тропик рака» Генри Миллер писал: «Это не книга. Это – клевета, издевательство, пасквиль. <...> Это затажное оскорбление, плевков в морду Искусству, пинок под зад Богу, Человеку, Судьбе, Времени, Любви, Красоте... всему чему хотите».

В искусстве модернизма сексуальность и агрессия в формах гротескного преувеличения становятся шок-ценностями культуры (П. Валери). Однако и визуализация снов, и поток сознания, будучи компенсацией нереализованных желаний личности, остаются элитарным искусством, имеющим довольно ограниченное влияние на общество, поскольку в основном питает «революцию сознания» интеллигенции.

¹ Эффект такой метафоры – *éclat* (фр.: взрыв, отблеск) или «застывший взрыв» (А. Бретон). Можно сказать, что *objet trouvé* относятся «к потрясающим земным случайностям, что сразу приводят нашу мысль в замешательство» (А. Бретон). Юмор в этом отношении «переносится» на предмет, предаваясь «созерцанию природы в ее случайных проявлениях» (Гегель). Юмор объективен, он возникает как случайная вспышка между людьми, выражая агрессию слов желания (З. Фрейд). Юмор есть «неуловимый отблеск разбушевавшегося произвола» (А. Бретон).

² Анализ работ Роберта Раушенберга требует учета контекста массовой культуры, распространения в рекламе *pin up girls*, а в кино боевиков и эротики, сформировавших агрессию и сексуальность как стереотипы общественного сознания. Этот неомифологический контекст и обуславливает коннотации артефактов.

Фрейд-марксизм и контркультура: психоделия и агрессия

Новая волна влияния психоанализа на общественное мировоззрение проявилась в качестве фрейд-марксизма, и связана она с подъемом контркультуры, сексуальной и психоделической революцией. Как известно, на движение хиппи оказали влияние книги Вильгельма Райха «Диалектический материализм и психоанализ» (1929) и Герберта Маркузе «Эрос и цивилизация» (1955). Молодежь воспринимается идея того, что изнурительный производительный труд, на котором строится цивилизация, питается энергией, отнятой у инстинктов: «Навязываемый "Сверх-Я" категорический императив, хотя и конструирует социальное существование личности, остается императивом самодеструкции» [Маркузе, 2003, с. 59]. Формируется идеология «Великого Отказа» с требованием перехода к нерепрессивной культуре с оргиастически-эротическими практиками. Орфический Эрос должен прийти на смену мучительному труду Прометея.

Фрейд-марксизм демонстрирует, во-первых, ослабление Эдипова комплекса (Э. Фромм), во-вторых, замещение психосексуальной энергии, направленной на противоположный пол, орфической чувственностью (Г. Маркузе). Вопрос заключается в том, что incestуозная связь сына с матерью не является всепоглощающей, поскольку равноценное чувство мальчик может питать к девочке его возраста, а, следовательно, сексуальное влечение становится амбивалентным [Фромм, 2021, с. 240, 245, 260]. Более того, активное половое влечение можно интерпретировать как «бунт против пассивной зависимости раннего детства» [Фромм, 2021, с. 261]. Вопрос заключается, следовательно, в возможности двух и более объектов сексуального влечения, которое отнюдь не вызывает ненависти к отцу. На первый план выходит вопрос удовольствия, которое может достигаться в фантазии, наслаждении игрой и песней, в протесте против ограничений культуры, в переменчивом сексуальном влечении, и в этом нарциссизме состоит суть Орфического Эроса [Маркузе, 2003, с. 183].

Сексуальная революция – провокация в сфере интимно-психологических отношений, которая заключается в отказе от моногамии, преодолении табу на перверсии, в сексуальной неразборчивости. В моде этот тренд выражается во введении бикини (Луи Реар), монокини (Руди Гейдрих), мини юбки (Мэри Квант, Андре Курреж). В рекламе начинается фрагментация женского тела, что служит знаками привлекательности предлагаемого товара или пропагандируемого гламурного стиля жизни.

Путешествия хиппи по Афганистану и Индии с употреблением наркотиков, пропаганда LSD-25 Тимоти Лири, произведений Олдоса Хаксли, Станислава Грофа, Хамфри Осмонда, Ральфа Метцнера по изучению измененных состояний сознания [Гроф, 1994; Лири, 2003; Юнгер, 2012] привели не просто к увлечению молодежи практиками расширения сознания (*trip*), но к рождению психоделии как стиля в музыке, моде и графическом дизайне. Пестрые краски *day-glo* вызывают непредсказуемые и обманчивые визуальные эффекты, вроде неоновых галлюцинаций. Таковы афиши к *acid-rock* Виктора Москосо, Рика Гриффина, Уэса Вильсона, Элтона Келли и Стенли Мауса. Рупорами психоделии в Лондоне становятся журналы OZ, IT и Gandalf's Garden. В американском андеграунде ведущими являются Нью-Йоркская газета East Village Other и калифорнийский San Francisco Oracle. Психоделия и свободная любовь выступают способами эскейпизма от репрессивной цивилизации.

На волне рок-музыки Sex-Pistols, Ramones, The Clash, The Damned рождается панк-движение (1976). Образ жизни и стиль панка демонстрирует усиление агрессии субкультуры протеста к власти, корпорациям и большим лейблам, карьеризму и лжи, что выливается в лозунг безысходности "No Future" и принцип «сделай сам». Характер плакатов и музыкальных фэнзинов становится более агрессивным, анархичным, оскорбляющим устои благочестивого общества, нигилирующим карьеризм, прагматизм и утилитаризм. Панки подхватывают лозунг контркультуры «секс, наркотики и рок-н-ролл», выражая настроение злобного аморализма, скандала, извращенности. Волна психоделии и

панк-движения поддерживается *underground comix*, которые становятся протестом против американского «Кодекса комиксов» (1954), запретившего рисовать насилие, кровь, секс, алкоголь и посмеиваться над властью. Подпольные комиксы Джека Джексона, Роберта Крамба, Гилберта Шелтона, Кима Дейча в 1970-х годах представили «изнанку Америки, весь её ужас» (Р. Крамб). В этом плане черный юмор и перверсии приобретают подрывной характер в буржуазной культуре. Особенно преуспевает журнал сюрреалистической фотографии с подзаголовком «глупый и злой» *Nara-Kiri* (1960–1987), на смену которому приходит журнал карикатуры *Charlie Hebdo* (1970). Насилие и порнография, сюрреалистический глум и *body horror*, цинизм и кощунство, политические провокации и оскорбления в адрес сильных мира сего, чёрный юмор, мерзость и грязь, шок и трепет – эти журналы в западной культуре играют роль *enfant terrible*. Вторжение в социум черного юмора и агрессивной сексуальности на волне протеста молодежи – таково последствие мифологии фрейд-марксизма в культуре.

Миф десимволизации: танатография Эроса

В ситуации постмодерна происходит поворот от интеллектуализма к телесности и текстуальности. Культура понимается как многослойный пространственный текст (ризом) и текстуальность (поток, письмо), состоящий из слов, сигналов, команд, кодов, образов и знаков, дискурсов и нарративов, словом, понятый как символическая реальность с бесконечным горизонтом, в которую погружен индивид. Человек уже не мыслится «очагом смысла» (М. Мерло-Понти), субъектом действия и речевых актов. Напротив, человек – это субъективность тела, погруженного в текст, при помощи которой «мыслиться» и «говориться». Субъективность тела предстает как «машина желания» с ее чувственными практиками: «За твоими мыслями и чувствами, брат мой, стоит более могущественный повелитель, неведомый мудрец – он называется Самость. В твоём теле он живет; он и есть твоё тело»¹.

Если учесть тезис Фрейда о подавлении инстинкта принципом реальности и фрейд-марксизма о репрессивном характере цивилизации в отношении индивида, то можно проследить эволюцию авангарда с 1960-х гг. до настоящего времени в плане регрессии к бессознательным (телесным) основаниям психической жизни, и к трансгрессии символического, которая приводит к нивелированию гендерных различий, к боли и смерти. Авангард, так же как и контркультура, развивается отрицательным путем, только более радикальным. В ситуации постмодерна эволюция авангарда осуществляется в пространстве между символическим и телесным, между текстом и телесными практиками «машины желания». Понятие «желание», заимствованное из психоанализа Фрейда, воспринимается как гендерно нейтральное, лишённое гендерной оппозиции.

Возможно, этому положению дел больше соответствует теория символического бессознательного Жака Лакана: «Бессознательное – это знание, структурированное как язык». Границы психоаналитического поля задают речь и сексуальность. В глубинах бессознательного укоренено означающее². Означающее, очерчивающее сферу сексуальности, у Жака Лакана характеризуется как «фаллос». Это не мужской генитальный орган, а область движения означающих, выражающих удовольствие и наслаждение. Сексуальное не имеет гендерной детерминации, ибо сфера бессознательного представляет собой движение означающих, которые связываются (метонимия) и замещаются (метафора) согласно желанию. Возникшая в классическом психоанализе проблема комплекса Эдипа теряет смысл и замещается игрой означающих [Лакан, 2008; 2014].

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., ОЛМА Медиа групп, 2012. 304 с.

² Если означающее – чувственное, то означаемое – умопостигаемое, сфера бессознательного соткана означающими, выражающими желание, а сфера сознания – означаемыми, то есть понятиями и представлениями, нормами и запретами.

Интерес смещается от вопросов сексуального влечения, подавленного культурой, к проблеме телесных желаний в связи с нарративами жизни и смерти. Место фрейдизма занимают символические прочтения психоанализа (Ж. Лакан, Ю. Кристева). Развертывание массовой культуры, усиленной цифровой революцией и введением интернета, превращают западную культуру в гипертекст, который поглощает связанную с сознанием субъективность – смерть автора, смерть искусства, конец истории, застревание между прошлым и будущим – таковы культурные условия современности. В ситуации постмодерна от влияния психоанализа на культуру остается лишь след. Внимание авангарда с иррациональной жизни души переносится на телесные практики, скрытые под покровом символического, – боль, болезнь, ранения и увечья, безумие, агрессия, еда, секс, отходы жизнедеятельности и смерть... Происходит регрессия на край символического к отвратительному и непристойному.

Но подрыв религиозных, моральных, идеологических кодов сдерживания, на которых зиждется «сон индивидов и покой государств», возвращает нам проблему «апокалипсиса» [Кристева, 2003, с. 245]. С позиции нравственных требований личность попадает в парадокс. Принятие христианского требования «возлюби ближнего как самого себя» становится препятствием для наслаждения, бессознательная энергия которого обращается на себя (Я), замыкается в сфере символического воображения и переходит в нарастающую агрессию (Сверх-Я): «Я отступаю перед этой заповедью любви к ближнему потому, что на горизонте маячит что-то такое, в чем есть невыносимая жестокость» [Лакан, 2006, с. 251]. Но и трансгрессия морального императива тоже открывает шлюзы агрессии, поскольку сексуальное наслаждение в виде обнаженного желания реализуется в реальности как у де Сада в «наслаждении разрушением; добродетель, заключенная в преступлении; зло, творимое ради него самого» [Лакан, 2006, с. 255]. В любом случае возникает танатография эроса.

Если говорить о сюрреалистической традиции, то регрессию к детскому травматизму души можно обнаружить в творчестве Луиз Буржуа в фаллообразной скульптуре «Девчонка» (1968)¹, в ее инсталляциях «Разрушение отца» (1974) и «Клетка» (1990–1993). Инфантильная регрессия обозначена самой художницей [Bourgeois, 2012]. Однако основной тренд авангарда предполагает регрессию не к детским травмам, а к взрослым желаниям, страхам, галлюцинациям [Зимин, 2011] и психодинамике садомазохистских отношений [Спиркина, 2011]. Также куклы Ханса Белмера и Синди Шерман выражают двойственную смесь желания и ужаса – кастрацию, фетишизм, садомазохизм и др., то есть травматические состояния взрослых людей.

Для авангарда в ситуации постмодерна возникает задача трансгрессии на край символического – обнаружения *живого* тела в его перверсиях, муках, судорогах и отчаянии, когда пределом страсти становится смерть. Проблема смерти, травмы и боли показывает, что «эротизм и смерть неразрывно связаны» [Батай, 1994, с. 286]. Эрос и Танатос обнажают существование человека в его телесности. В минуты сексуальной страсти и с приходом смерти субъективность человека «редуцируется» в тело, заставляет человека страдать в теле, а не в духе: «В одиночестве, по-иному тягостном, чем одиночество обнаженных любовников, приближение к тлению связывает я-которое-умирает с наготой отсутствия» [Батай, 1994, с. 229]. Авангард стремится прикоснуться к живому телу перед лицом смерти – голодному или страдающему, подавленному или возбужденному, истерзанному, мятущемуся и пр. Словом, актуальной становится визуализация телесных практик – смерти, болезни, травм, перверсий, сексуальности и еды, психических и физических патологий.

В культуре постмодерна складывается ряд разрозненных художественных трендов и арт-практик, среди которых влияние психоанализа прослеживается в направлении

---

¹ Гендерное смешение в скульптуре "fillette" Луиз Буржуа обозначено двусмысленным термином – франц.: маленькая девочка / молодая и неопытная девушка.

"*feminist & gay*" [Lucie-Smith, 1995]. Отчасти феминизм становится продолжением сюрреализма, с той разницей, что «фундаментальное Я» модернизма подверглось деструкции в условиях тотальной текстуальности. Воспринимается основное противоречие, констатированное фрейдизмом и фрейдомарксизмом – между репрессивной цивилизацией и бессознательными желаниями, укорененными в теле. Однако элиминируется гетеросексуальность. В условиях погруженности субъекта желания в тексты, возникает установка выражения в искусстве невротиков, психозов и перверсий за счет проникновения под покров символического. Эта регрессия и трансгрессия вокруг субъективности тела в его бессознательной жизни становится трендом арт-практики феминизма и гомосексуальности со следами влияния психоанализа.

Заключение

Шок-ценности сюрреализма и контркультуры, продуцированные мифами психоанализа, подрывают моральные нормы и религиозные запреты, выражают протест против обезличивающей потребительской цивилизации и таких ценностей, как благочестие, сдержанность, гетеросексуальная любовь, гармония семейных отношений. Подрыв ценностей приводит к Танатографии Эроса в авангарде в ситуации постмодерна за счет регрессии к пределам бессознательного. Они выводят за грань символического – к живому телу с его страданиями, ранами и увечьями, жаждой и голодом, конвульсиями, сексуальными импульсами... Трансгрессия культурного и живого тела подводит к пределу – к смерти, болезни, отходам и мусору, обнажая истину конечности человеческого существования перед лицом общественного забвения и соблазна [Бодрийяр, 2023].

Но в современной западной культуре существует и другой след мифологии психоанализа, составляющий основное течение. Эрос и Танатос, будучи ассимилированы и упрощены массовой культурой до имиджей и рекламных обращений, втягиваются в индустрию развлечений, систему купли-продажи. В качестве массового продукта потребления шок-ценности делают приемлемыми в обществе свободную любовь, неразборчивость, новую сексуальность (Эрос) и психоделический транс, сатанизм, агрессивный аморализм и извращения (Танатос). Благодаря рекламе и массовой культуре то, что было табуировано как иррациональная жизнь души в начале XX века, на рубеже XX–XXI вв. становится расхожим креативом, стимулирующим массовое потребление. Сублимация энергии инстинктов в символический обмен знаками, имиджами и образами привела к распространению мифологии сексуальности и агрессии в сфере массовых коммуникаций. А поскольку компенсация нереализованных желаний осуществляется в сфере символического, постольку возникает психическая импотенция в повседневной жизни, толерантность к любым перверсиям.

Отрицание социальных ролей женщины как навязанной конструкции приводит к элиминации гендерных особенностей и нарушению границ между полами. Отчуждение в современном обществе означает потерю индивидуальности. В этом отношении требования равенства между женщиной и мужчиной становится стремлением к уничтожению половых различий: «равенство покупается дорогой ценой: женщина становится равной, потому что она больше не отличается от мужчины» [Фромм, 2009, с. 117].

Реальные сексуальные влечения, связанные с соблазнением и романтическим флером, воспринимаются как насмешка в ответ на желание, вызванное фетишами, символическими объектами. Таким образом, в сфере сексуальности мы имеем дело со сценарием иллюзорного обладания, которое в действительности тяготеет к дистанцированности, недоступности и смерти [Эко, 2021, с. 339–340]. Более того, сексуальность в качестве нормальных отношений мужчины и женщины становится политическим инструментом преследования мужчин. Мифы психоанализа, втянутые в символический товарно-денежный обмен, не только подрывают культурные нормы и традиции, но служат инструментом дегуманизации западной цивилизации.

Список литературы

- Барт Р. 1994. Метафора глаза. В кн.: Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., Мифрил: 91-100.
- Батай Ж. Из «Внутреннего опыта». Из «Слез Эроса» В кн.: Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., Мифрил, 1994: 223-244, 269-310
- Бодрийяр Ж. 2023. Общество потребления. М., Neoclassic, 320 с.
- Бретон А. 1999. Антология черного юмора. М., Carte Blanche, 544 с.
- Выготский Л. 2002. Искусство и психоанализ. В кн. Классический психоанализ и художественная литература. СПб., Питер: 349-368
- Гроф С. 1994. Области человеческого бессознательного. Данные исследований ЛСД. М., МТМ, 240 с.
- Зимин В. А. 2011. По ту сторону супружеской измены (на материале фильма Стэнли Кубрика «С широко закрытыми глазами»). В кн.: Психоанализ и искусство. М., Когито-Центр: 36–59.
- Кристева Ю. 2003. Силы ужаса. Эссе об отвращении. СПб., Алетейя, 256 с.
- Лакан Ж. 2008. Изнанка психоанализа. Семинар: Книга XVII (1969-1970). М., Гнозис, 272 с.
- Лакан Ж. 2014. Психозы. Семинары. Книга III (1955-1956). М., Гнозис, 432 с.
- Лакан Ж. 2006. Этика психоанализа. Семинары: Книга VII (1959-1960). М., Гнозис, Логос, 416 с.
- Лири Т., Метцнер Р., Олперт Р. 2003. Психоделический опыт: Руководство на основе «Тибетской книги мертвых». Львов: Инициатива, Киев, Ника-Центр, 224 с.
- Маркузе Г. 2003. Эрос и цивилизация. М., АСТ, 528 с.
- Райх В. 2002. Пер Гюнт. В кн.: Классический психоанализ и художественная литература. СПб., Питер: 99–105.
- Спиркина Е. А. 2011. Психодинамика садомазохистских отношений (на материале фильма Бернардо Бертолуччи «Последнее танго в Париже»). В кн.: Психоанализ и искусство. М., Когито-Центр: 60–84.
- Фрейд З. 2023. Психоанализ культуры. М., 2023, 512 с.
- Фрейд З. 1995. Художник и фантазирование. М., Республика, 400 с.
- Фромм Э. 2009. Модель симбиотического единства неиндивидуализированной любви. В кн.: Инсталляция страсти: сборник произведений западных философов XX–XXI вв. М., Алгоритм: 117–124.
- Фромм Э. 2002. «Процесс» Франца Кафки. В кн.: Классический психоанализ и художественная литература. СПб., Питер: 130–140.
- Фромм Э. 2021. Эдипов комплекс: заметки по поводу случая Маленького Ганса. В кн.: Эдипов комплекс: мама я люблю тебя. М., Алгоритм: 237–245.
- Фромм Э. 2021. Гипотеза об инцесте и эдиповом комплексе. В кн.: Эдипов комплекс: мама я люблю тебя. М., Алгоритм: 258–269.
- Шень-Жандрон Ж. 2002. Сюрреализм. М., Новое литературное обозрение, 416 с.
- Эко У. 2021. С окраин империи. Хроники нового средневековья. М., АСТ, CORPUS, 480 с.
- Юнгер Э. 2012. Приближения. Наркотики и опьянения. *Сократ. Журнал современной философии*, 4: 85–89.
- Beguín A. 1937. L'âme romantique et le rêve. Vol 2. Paris, Corti, 413 p.
- Bourgeois L. 2012. The Return of the Repressed. London: Violette Editions. Vol. 2, 192 p.
- Lucie-Smith E. 1995. Art Today. Phaidon Press Limited, 512 p.
- Minsky R. Psychoanalysis and Culture. Contemporary States of Mind. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1998, 245 p.
- Parker I. Psychoanalytic culture: Psychoanalytic discourse in Western society. Sage Publications, Inc, 1997, 304 p.

References

- Barthes R. 1994. Metafora glaza [The Metaphor of the Eye]. In: Tanatografiya erosa: ZHorzh Bataj i francuzskaya mysl' serediny XX veka [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the XX Century]. St. Petersburg, Publ. Mifril: 91-100.
- Bataille G. 1994. Iz «Vnutrennego opyta». Iz «Slez Erosa» [From "Inner Experience". From "Tears of Eros"]. In: Tanatografiya erosa: ZHorzh Bataj i francuzskaya mysl' serediny XX veka [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Mid-Twentieth Century]. St. Petersburg, Publ. Mifril: 223-244, 269-310
- Bodrillard J. 2023. Obshestvo potrebleniya [Consumer Society]. Moscow, Publ. Neoclassic, 320 p.

- Breton A. 1999. *Antologiya chernogo yumora [An Anthology of Black Humor]*. Moscow, Publ. Carte Blanche, 544 p.
- Vygotskij L. 2002. *Iskusstvo i psihoanaliz [Art and Psychoanalysis]*. In: *Klassicheskij psihoanaliz i hudozhestvennaya literature [Classical psychoanalysis and fiction]*. St. Petersburg, Publ. Piter: 349-368.
- Grof S. 1994. *Oblasti chelovecheskogo bessoznatel'nogo. Dannye issledovanij LSD [Areas of the human unconscious. Data from LSD studies]*. Moscow, Publ. MTM, 240 p.
- Zimin V.A. 2011. *Po tu storonu supruzheskoj izmeny (na materiale fil'ma Stenli Kubrika «S shiroko zakrytymi glazami») [Beyond adultery (based on Stanley Kubrick's film "Eyes Wide Shut")]*. In: *Psihoanaliz i iskusstvo [Psychoanalysis and art]*. Moscow, Publ. Kogito-Centr: 36-59.
- Kristeva YU. 2003. *Sily uzhasa. Esse ob otrashchenii [Forces of horror. Essay on disgust]*. St. Petersburg, Publ. Aletejya, 256 p.
- Lacan J. 2008. *Iznanka psihoanaliza. Seminar: Kniga XVII (1969-1970) [The other side of psychoanalysis. Seminar: Book XVII (1969-1970)]*. Moscow, Publ. Gnozis, 272 p.
- Lacan J. 2014. *Psihozy. Seminary. Kniga III (1955-1956) [Psychoses. Seminars. Book III (1955-1956)]*. Moscow, Publ. Gnozis, 432 p.
- Lacan J. 2006. *Etika psihoanaliza. Seminary: Kniga VII (1959-1960) [The Ethics of Psychoanalysis. Seminars: Book VII (1959-1960)]*. Moscow, Publ. Gnozis, Logos, 416 p.
- Liri T., Metcner R., Olpert R. 2003. *Psihodelicheskiy opyt: Rukovodstvo na osnove «Tibetskoj knigi mertvyh» [The Psychedelic Experience: A Guide Based on the Tibetan Book of the Dead]*. L'vov, Inicijativa, Kiev, Nika-Centr, 224 p.
- Marcuse G. 2003. *Eros i civilizaciya [Eros and Civilization]*. Moscow, Publ. AST, 528 p.
- Reich W. 2002. *Per Gyunt [Peer Gynt]*. In: *Klassicheskij psihoanaliz i hudozhestvennaya literature [Classical Psychoanalysis and Fiction]*. St. Petersburg, Publ. Piter: 99-105.
- Spirkina E.A. 2011. *Psihodinamika sadomazohistskih odnoszenij (na materiale fil'ma Bernardo Bertoluchchi «Poslednee tango v Parizhe») [sychodynamics of Sadomasochistic Relationships (Based on Bernardo Bertolucci's Film "Last Tango in Paris")]*. In: *Psihoanaliz i iskusstvo [Psychoanalysis and Art]*. Moscow, Publ. Kogito-Centr: 60-84.
- Freud S. 2023. *Psihoanaliz kul'tury [Psychoanalysis of Culture]*. Moscow, Publ. 2023, 512 p.
- Freud S. 1995. *Hudozhnik i fantazirovanie [The Artist and Fantasy]*. Moscow, Publ. Respublika, 400 p.
- Fromm E. 2009. *Model' simbioticheskogo edinstva neindividualizirovannoj lyubvi [A Model of Symbiotic Unity of Non-Individualized Love]*. In: *Installyaciya strasti: sbornik proizvedenij zapadnyh filosofov XX-XXI vv. [Installation of Passion: A Collection of Works by Western Philosophers of the 20th–21st Centuries]*. Moscow, Publ. Algoritm: 117-124.
- Fromm E. 2002. *«Process» Franca Kafki [Franz Kafka's "The Trial"]*. In: *Klassicheskij psihoanaliz i hudozhestvennaya literature [Classical Psychoanalysis and Fiction]*. St. Petersburg, Publ. Piter: 130-140.
- Fromm E. 2021. *Edipov kompleks: zametki po povodu sluchaya Malen'kogo Gansa [The Oedipus Complex: Notes on the Case of Little Hans]*. In: *Edipov kompleks: mama ya lyublyu tebya [The Oedipus Complex: Mom, I Love You]*. Moscow, Publ. Algoritm: 237-245.
- Fromm E. 2021. *Gipoteza ob inceste i edipovom komplekse [The Hypothesis of Incest and the Oedipus Complex]*. In: *Edipov kompleks: mama ya lyublyu tebya [The Oedipus Complex: Mom, I Love You]*. Moscow, Publ. Algoritm: 258-269.
- Chenieux-Gendron, J. 2002. *Surrealizm [Surrealism]*. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 416 p.
- Eko U. 2021. *S okrain imperii. Hroniki novogo srednevekov'ya [From the Outskirts of the Empire]*. Moscow, Publ. AST: CORPUS, 480 p.
- Junger E. 2012. *Priblizheniya. Narkotiki i op'yanieniya [Approximations. Drugs and Intoxications]*. *Sokrat. Zhurnal sovremennoj filosofii*, 4: 85-89.
- Beguin A. 1937. *L'âme romantique et le rêve. Vol 2. Paris, Corti.*
- Bourgeois L. 2012. *The Return of the Repressed. London: Violette Editions. Vol. 2, 192 p.*
- Lucie-Smith E. 1995. *Art Today. Phaidon Press Limited, 512 p.*
- Minsky R. *Psychoanalysis and Culture. Contemporary States of Mind. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1998, 245 p.*
- Parker I. *Psychoanalytic culture: Psychoanalytic discourse in Western society. Sage Publications, Inc, 1997, 304 p.*

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 18.04.2024
Поступила после рецензирования 18.07.2024
Принята к публикации 30.08.2024

Received April 18, 2024
Revised July 18, 2024
Accepted August 30, 2024

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пигулевский Виктор Олегович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, ректор, Южно-Российский гуманитарный институт, г. Ростов-на-Дону, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-7937-9436](https://orcid.org/0000-0001-7937-9436)

Victor O. Pigulevskiy, Doctor of philosophy, Professor of the Department of Humanities, Rector, South-Russian Humanitarian Institute, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-7937-9436](https://orcid.org/0000-0001-7937-9436)

Мирская Людмила Анатольевна, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, проректор, Южно-Российский гуманитарный институт, г. Ростов-на-Дону, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-8043-5068](https://orcid.org/0000-0002-8043-5068)

Ludmila A. Mirskaya, Doctor of philosophy, Professor of the Department of Humanities, Vice-Rector, South-Russian Humanitarian Institute, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-8043-5068](https://orcid.org/0000-0002-8043-5068)